

И. А. ЗАВАДСКАЯ

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛЬЕФНЫХ МЕТОК
НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕРЕПИЦЕ КРЫМА¹**

Практика маркировки керамических строительных материалов (черепиц и кирпичей) получила широкое распространение у многих народов в разные времена. Данные материалы, безусловно, образуют важную составляющую материальной культуры населения, которое их оставило.

В Крыму наиболее раннюю группу маркированной строительной керамики образует боспорская эллинистическая черепица с клеймами, легенды которых состоят из целых или сокращенных имен, иногда в сопровождении титула архонта или царя, монограмм, а также слов βασιλική («царская», на керамидах) или βασιλικός («царский», на калиптерах). Согласно доминирующей, практически общепризнанной до недавнего времени точке зрения, подавляющая масса клейм обозначала владельцев черепичного производства, в числе которых – правители из рода Спартокидов [16, с. 266-298; 17, с. 19; 18, с. 202-210; 14, с. 53-60; 25, с. 327-335; 26]. Лишь единичные клейма связывались с определенными сооружениями, в частности, храмом Афродиты в Кепях [27, с. 314-316]. Новый взгляд на причины клеймения и содержание черепичных клейм предложил В. Д. Кузнецов [28, с. 392-400]. Проанализировав содержание клейм и некоторых эпитафических документов (контрактов) из других центров античного мира, он пришел к выводу, что строительные материалы клеймились для заказчика, и клеймо могло содержать как имя подрядчика-изготовителя черепицы, так и информацию о заказчике, которым мог быть царь, городская община, святилище или частное лицо. Боспорские клейма с именами царей в сопровождении титула, а также оттиски «царская/царский», по мнению исследователя, указывают на заказчика и принадлежность черепиц царским сооружениям, а не на их производство в царских мастерских. Данную интерпретацию разделяет Н. Ф. Федосеев, который также

---

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

считает, что клеймо фиксировало имя профинансировавшего постройку, и черепица с клеймами с царскими именами покрывала здания, принадлежавшие царю, а клейма с именами божеств предназначались для храмовых построек [54, с. 298-299; 55, с. 12-21]. Имена в номинативе или генитиве без титулов по-прежнему соотносят с ремесленниками-изготовителями [28, с. 400; 54, с. 298].

Клеймение строительных материалов широко практиковалось и в римское время. В разных центрах римского мира обнаружены черепицы и кирпичи с отпечатками штампов легионов и других воинских подразделений, а также с именными клеймами частных мастеров [65, р. 116-127]. В Крыму строительная керамика с латинскими клеймами обнаружена в местах дислокации римских воинских контингентов, а именно в цитадели Херсонеса, на высоте Казацкой, на римской военной базе и в святилище Юпитера Долихена в Балаклаве (Кадыковке), в Хараксе на мысе Ай-Тодор, кроме того, клейменная римская черепица отмечена на Гераклеюском полуострове (усадьба 227) и на городище Алма-Кермен [56, с. 110-117; 7, с. 45-50; 49, с. 119-132; 36, с. 61-70]. Зафиксировано 16 типов римских клейм, которые включают в себя сокращенные названия векилляций, иногда военных должностей, части имен, вероятно, центурионов (комендантов векилляций), мастеров или лиц, ответственных за производство. Некоторая часть черепицы с клеймами, вероятно, была завезена в Крым в качестве балласта из Синопы и Нижней Мезии. Однако большинство строительных материалов римского времени, в том числе клейменных, происходят, скорее всего, из местных войсковых керамических мастерских, что подтверждают свидетельства керамического производства в Херсонесе, близ Харакса и в районе Кадыковского городища (Балаклава) [49, с. 119-132; 56, с. 116; 57, с. 61].

В комплексах ранневизантийского времени, зафиксированных в Херсонесе и на Мангупе, клейменная черепица неизвестна [33]. В Херсонесе в этот период плинфу маркировали с помощью штампов с вырезанными буквами, обозначающими индикт и, вероятно, начало имени мастера [45, с. 156-158; 48, с. 16-20].

Несмотря на сложность и спорность расшифровки некоторых буквенных клейм на строительных материалах указанных периодов, в целом они достаточно стандартны, что предполагает их утилитарный, практический характер. Они несут в себе информацию, прежде всего, о происхождении изделий, т.е. о производителе или владельце производства, либо же о предназначении этих материалов, как в случае с эллинистическими клеймами, которые могли указывать заказчика или сооружение, для которого черепица изготавливалась. В ранневизантийских материалах присутствует также хронологический элемент (индикт). Следует отметить, что по своему характеру клейма крымских строительных материалов находят широкий круг аналогий за пределами полуострова, поскольку практика клеймения была привнесена сюда из Древней Греции, потом из Римской и Византийской империй. В частности, в Константинополе в IV-VI вв. производили кирпичи со штампами с вырезанными на них в разных вариациях сокращенными именами, монограммами, в том числе императоров (Юстиниана, Маврикия), названиями титулов, должностей, индиктов, а также христианскими символами (крест, Христограмма) и формулами и т.д. Расшифровка и интерпретация многих штампов порождают разные мнения и споры [64].

Помимо буквенных клейм некоторые строительные материалы Херсонеса римского и ранневизантийского периодов имеют также линии различных очертаний (прямые, волнообразные, концентрические, в виде петель и т.д.), выполненные по сырой глине пальцами или тупым предметом. Подобные метки-«узоры» известны на плинфе,

происходящей из памятников в частности, Греции, Болгарии, Константинополя [5, с. 60; 6, с. 17, табл. II; 4, с. 5-6; 64, р. 6]. Назначение этих меток, чаще всего, объясняют производственными целями, например, для обозначения партий и счета готовых изделий или для контроля над их качеством; не исключается также их декоративный характер [44, с. 159; 56, с. 116; 49, с. 132; 64, р. 6].

В средне- и поздневизантийский период на крымских строительных материалах вместо клейм фигурируют рельефные метки или, как их еще называют, ремесленные знаки. Их появление связано с новым способом изготовления плоских черепиц (керамид), который впервые был применен, вероятно, еще в ранневизантийское время и с IX-X вв. получает повсеместное распространение [33, с. 172-176]. Если в предшествующее время черепицу изготавливали в деревянных ящиках без дна, т.н. «лицевым» способом, то теперь стали использовать ящик-матрицу с дном, в котором вырезали все рельефные лицевые элементы будущей черепицы, в том числе метки («тыльный» способ) [59, с. 119; 37, с. 81; 50, с. 94-95; 33, с. 172-176].

Черепица с рельефными метками хорошо известна из раскопок средневековых памятников Юго-Западного, Южнобережного и Юго-Восточного Крыма. Наиболее обширная коллекция строительных материалов с метками собрана в Херсонесе [59, с. 117-153; 48]. Большое количество маркированной черепицы зафиксировано на Мангупе [53, с. 430-434; 59, с. 151; 46, с. 181-192] и Эски-Кермене [43, с. 278; 59, с. 148-149; 38, с. 38-43; 21, с. 291-315; 22, с. 258-262]. Известна она также из раскопок Баклинского городища [52, с. 184-195], средневекового храмового комплекса близ с. Поворотное, в низовьях реки Бельбек [45, с. 14-18] и некоторых других сельских поселений Юго-Западного Крыма [61, с. 156-163; 62]. Практически повсеместно маркированная черепица встречается и на памятниках Южного берега Крыма [42, с. 115-116, рис. 61, 62; 37, с. 77-94; 39, с. 101; 40, с. 120-124; 30, с. 72-73]. Большое количество черепицы с метками обнаружено также в ходе раскопок на горе Тепсень в Юго-Восточном Крыму [13, с. 5-6; 11, с. 112-113; 12, с. 122-128; 31, с. 208-211].

Черепицу с рельефными (матричными) метками находят и за пределами Крыма, например, при раскопках средневековых памятников в Болгарии, Краснодарском крае, Абхазии, Грузии [59, с. 138; 62, с. 107-108; 4, с. 10; 10, с. 52-53; 8, с. 81-98; 9, с. 85-86; 58, с. 189-190; 19, с. 102-105; 20, с. 238-243; 29, с. 137-138]. Однако в этих регионах практика маркировки черепичных матриц не получила такого широкого распространения и разнообразия форм, как в Крыму. Так, черепицы с рельефными метками встречаются в слоях разрушения некоторых храмов XI в. в северо-восточной Болгарии [10, с. 52-53]. В Адлерском районе и в Абхазии отдельные черепицы IX-X вв. имеют рельефную метку только в виде креста [8, с. 81-98; 9, с. 85]. В Грузии и на Северном Кавказе помимо черепиц, отмеченных крестом, встречаются экземпляры с сокращенными надписями древнегрузинским шрифтом, а также с метками в виде трилистников [19, с. 104; 20, с. 238-243; 29, с. 137-138]. На Таманском полуострове черепица с рельефными метками встречается редко и известна пока только в Фанагории, откуда происходят несколько буквенных меток. Среди них наиболее известна зеркально отображенная надпись, имеющая два вероятных прочтения: ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΝΟ или ΘΕΟΔΟΡΑΚΝΟ – уменьшительная форма имени Феодор [58, с. 189-190]. Единичные керамиды с подобной меткой найдены также в Крыму: на городище Тепсень, в Херсонесе и на южном берегу, в частности, в Алуште и Партените [13, с. 8-9; 59, с. 138; 12, с. 127; 31, с. 211; 1, л. 80, рис. 102]. Происхождение таких черепиц предположительно связывали

с Херсонесом [59, с. 138; 60, с. 478; 15, с. 101] или Восточным Крымом [60, с. 318-319]. Однако наибольшее их количество найдено именно в Фанагории (14 экз.) [58, с. 189-190], что допускает вероятность их изготовления вне Крыма, скорее всего, на Тамани.

Рельефные метки на крымской средневековой черепице отличаются значительно большим разнообразием, чем в отмеченных регионах. Они представлены в виде отдельных букв, монограмм, лигатур, реже встречаются сокращенные слова, как правило, имена. Кроме буквенных меток на черепицах отображались различные условные знаки, а также схематичные изображения животных (лошади, оленя, быка, собаки, птиц), всадников и отдельных человеческих фигур. Известны также целые жанровые сцены. Одну из таких меток с изображением охоты на черепице, найденной на Тепсене, весьма красочно описал В. П. Бабенчиков: «собака бросается на загнанного, высунувшего язык оленя; он обессилел, осел на задние ноги и не может нагнуть голову, чтобы поднять собаку на рога» [12, с. 127; 11, с. 113, рис. 38,37]. В Херсонесе обнаружена черепица с изображением батальной сцены с участием трех всадников, один из которых повержен копьем противника [48, рис. 53,2]. Довольно часто на одной и той же черепице буквы, условные знаки и изображения встречаются в различном сочетании.

Чрезвычайная вариативность черепичных рельефных меток затрудняет однозначное решение вопроса об их назначении. Исследователями высказано уже немало предположений по этому поводу. Наиболее распространенным является объяснение метки как знака мастера (ремесленника) или мастерской [13, с. 5, 9; 59, с. 122-153; 62, с. 152-155; 12, с. 127; 51, с. 119]. Одним из наиболее последовательных сторонников такой интерпретации черепичных меток был А. Л. Якобсон, заложивший основы научного изучения крымской средневековой черепицы. В его трудах было собрано большое количество меток из разных центров Крыма. Он считал, что в одной мастерской для производства черепицы использовали несколько матриц с однотипной меткой, в качестве которой могли выступать варианты одной и той же буквы, монограммы, или знака с некоторыми отличиями. Именно «признак однозначности», однотипности меток А. Л. Якобсон использовал для подсчета мастерских, действующих в Херсоне. Буквенные метки и знаки, датированные им второй половиной XII-XIII вв., были объединены в 20 групп однотипных меток, которые соответствовали 20 мастерским. Из них, по мнению исследователя, одновременно действовали 4-5 мастерских. На Эски-Кермене, согласно аналогичным расчетам, в XII-XIII вв. функционировало 6 мастерских, из которых 2-3 – одновременно. Основываясь на этих данных, А. Л. Якобсон попытался вычислить примерное количество выпускаемой ими продукции из расчета производительности одной мастерской, которая в год должна была выпускать 7-8 тыс. черепиц. Следовательно, 4-5 мастерских Херсона могли производить примерно 35-40 тыс. черепиц в год² [62, с. 154-155]. Наличие нескольких знаков на одной черепице А. Л. Якобсон объяснял объединением самостоятельных ремесленников и совладением ими обжигательной печью, допуская, таким образом, существование в позднесредневековом Херсоне гончарных артелей по производству черепицы [59, с. 152-153; 62, с. 153]. Условные знаки, по его мнению, скорее всего, принадлежали неграмотным мастерам, кроме тех, на которых были кресты, являвшиеся символами монастырских мастерских [62, с. 68, 97]. Изображения животных, всадников, птиц он не рассматривал в качестве основных знаков, а лишь как дополнение к буквенным или условным знакам. По его мнению, данные изображения служили в качестве

---

² Несколько иные расчеты см.: [59, с. 145-152].

оберегов и магических знаков, подобно изображениям на поливных сосудах того же времени [62, с. 153-154].

Т. И. Симонова также была склонна рассматривать метку как знак мастера-керамиста. Она использовала метод А. Л. Якобсона, согласно которому однотипные метки принадлежат одному производителю (только в данном случае не мастерской, а именно мастеру), для подсчета количества мастеров, черепица которых была использована для перекрытия одного дома XIII-XIV вв. во втором квартале Портового района Херсонеса [51, с. 119-120].

Н. В. Пятышева в метках в виде пентаграммы, изображение которой с древних времен наделяется мистическим смыслом, видела знаки-обереги [41, с. 215-218]. Появление и распространение этого изображения в Крыму она относила ко времени Крымского ханства и связывала с притоком татарского населения. Исследовательница не исключала, что представители других этнических групп также могли использовать пентаграмму в том же качестве, т.е. как защиту от нечистой силы, либо же, как дань моде.

Вопрос о назначении меток был рассмотрен и Е. А. Паршиной. В своей статье о средневековой керамике, полученной в ходе раскопок ряда южнобережных памятников в 1962-1969 гг., исследовательница отдельный раздел посвятила анализу керамических строительных материалов, в котором детально описала коллекцию из более 250 рельефных меток на средневековой черепице [37, с. 77-94]. До сих пор эта работа остается самым полным опубликованным сводом черепичных меток данного региона. Е. А. Паршина выявила большой круг аналогий южнобережным меткам, главным образом, среди херсонесского материала и сделала важный вывод о возможности изготовления маркированных черепиц, найденных в разных местах, в одних и тех же или очень сходных матрицах [37, с. 91]. Учитывая тот факт, что многие метки бытовали весьма длительное время, она отрицает возможность объяснять их как знаки мастера или мастерской. В довольно осторожной форме она высказала предположение о том, что эти знаки могли обозначать различные партии изделий в условиях товарного производства. Кроме того, отдельные метки, по ее мнению, могли одновременно являться и знаками заказчика, например, монастырь мог заказать черепицу с крестами, хотя не исключено, что монастыри имели свои мастерские [37, с. 91-92].

Детальную реконструкцию процесса производства черепицы представил В. А. Сидоренко [50, с. 93-100]. Необходимость маркировки форм различными метками он объясняет, прежде всего, производственными потребностями. Поскольку в одной мастерской было задействовано несколько форм-матриц, их необходимо было маркировать разными метками для соблюдения определенной последовательности при их использовании. Некоторые буквенные метки, по его мнению, были наделены также определенной смысловой нагрузкой. Так, например, буква М могла обозначать имя святого Михаила, «тета» сама по себе или ее лигатура с «эпсилон» – начальные буквы имени Богородицы, метка в виде сочетания букв «пи» – «хи» – «омикрон», по сходству с херсонскими монетами Михаила III (842-867), несла в себе формулу «полис Херсонос». Черепицы с подобной меткой, по предположению исследователя, производили в 40-70-х гг. IX в. в муниципальной мастерской Херсона, в которой одновременно могли выпускать черепицу и с другими метками. Черепицы с метками в виде крестов изготавливали в церковно-монастырских черепичных мастерских [50, с. 99-100].

Проблемы, связанные с изучением черепичных меток, подробно рассмотрены в монографии А. И. Романчук о строительных материалах византийского Херсона, которая на сегодняшний день представляет собой наиболее полное собрание меток этого города

[48]. Рассматривая уже известные версии, она выдвинула также несколько новых. Приведя весомые аргументы (прежде всего, большое количество меток), ставящие под сомнение интерпретацию меток в качестве знака мастера или мастерской, исследовательница, тем не менее, допускает вероятность такого объяснения их назначения [48, с. 97-108]. Кроме того, она не исключает, что метка могла обозначать очередность обжига партии черепицы, использоваться при подсчете готовой продукции, а также служить индексом времени производства, что было своего рода гарантией качества и в случае, если изделие окажется некачественным, то метка давала «знать: к кому можно предъявить претензии» [48, с. 107-108]. Изготовление черепичной матрицы с изображениями животных и всадников, по мнению А. И. Романчук, было для некоторых мастеров также способом выражения творческих потребностей [там же].

Таким образом, в историографии уже предложены самые разнообразные версии о назначении черепичных рельефных знаков. При этом следует отметить, что исследователи, как правило, не ограничиваются каким-то одним значением, а высказывают несколько версий. Все это объясняется многообразием черепичных меток и возникающей отсюда сложностью в выявлении какой-либо общей закономерности в их применении.

Следует также отметить, что при изучении черепичного материала метки, как наиболее привлекательный элемент, рассматриваются, чаще всего, сами по себе, вне контекста черепиц, на которых они отображены. Такой подход значительно сужает информативную базу о них. Как представляется, вопрос о назначении черепичных меток может быть решен лишь при комплексном изучении черепичного материала в целом. Первостепенная задача на этом пути состоит в том, чтобы выявить группу черепиц, производство которой можно отнести к одной мастерской.

Именно такую группу удалось выделить из очень разнообразной по морфологическим и технологическим характеристикам массы строительной керамики, полученной в результате раскопок средневекового квартала Эски-Кермена в 2003-2008, 2013 и 2015 гг. под руководством А. И. Айбабина [3, с. 422-457; 63, S. 165-232; 2, с. 240-277; 21, с. 291-315; 22, с. 254-267]. Данный квартал погиб одновременно с городом в пожаре в конце XIII в. [63, S. 225; 2, с. 249-250].

За семь археологических сезонов (2003-2008 и 2013 гг.³) было получено более 94 тысяч разновеликих фрагментов черепиц: плоских керамид (96%) и полукруглых калиптеров (4%). В ходе камеральной обработки разработана самостоятельная классификация черепичного материала. На основании качества черепка и визуально распознаваемых примесей, содержащихся в глиняном тесте, выделены следующие группы.

Черепицы **группы I** имеют плотный, прочный черепок от светло- до темно-красного цвета. В тесте содержится песок, частицы известняка и железа, которые иногда бывают достаточно крупных размеров. Шамот (дробленая керамика) визуально не идентифицируется. Поверхность, как правило, гладкая. Керамиды I группы по форме профильных частей подразделяются на две подгруппы: Ia и Ib. Визуально тесто керамид Ia группы несколько более однородно (хорошо промешанное), с большей концентрацией мелких частиц известняка.

Черепицы **группы II** с относительно плотным черепком от светло-оранжевого до светло-красного цвета, с примесью известняка, песка, а также частиц шамота; поверхность их зачастую без следов заглаживания, сильно оббита.

---

³ Материалы раскопок квартала Эски-Кермена в 2015 г. находятся в процессе изучения.

В **группу III** объединены черепицы из комковатого теста с песком, частицами известняка и железа, с умеренной концентрацией шамота. Черепок довольно прочный, как правило, ярко-красного цвета, поверхность иногда покрыта неплотным желтоватым ангобом.

Группу IV составляют черепицы с сильно шамотированным черепком коричневого или темно-красного цвета с крупнозернистой, рыхлой структурой и шероховатой поверхностью. В тесте также содержатся частицы железа, известняка, песок. Черепок, как правило, хрупкий, часто легко крошится. Эски-керменская черепица групп III и IV соответствует по тесту 2-й группе по херсонесской классификации [37, с. 79-80; 51, с. 107; 48, с. 42-43].

На Эски-Кермене присутствует также черепица **1-й группы по херсонесской классификации** – с плотным кирпично-красным черепком с характерными желтоватыми включениями и разводами известняка, со светлым плотным ангобом [24, с. 24-25].

Значительная часть черепичного материала всех выделенных групп имеет рельефные метки. Их размеры, рельеф, расположение на поле черепицы, характер различны. Они представляют собой буквы, изображения животных (лошадь, птица, собака) и человека, а также разнообразные условные знаки. Некоторые, совершенно идентичные метки встречены на сравнительно большом количестве керамид, происходящих из одной матрицы. Вывод о том, что керамиды сформованы в одной матрице, основан на сопоставлении формы, размеров ремесленного знака и его местоположения на поле керамиды. Положение знака на черепице является очень важным показателем, который, к сожалению, зачастую исследователями не принимается во внимание. В археологических отчетах и публикациях, как правило, приводят лишь некоторые целые формы черепицы, а метки сведены в отдельные таблицы. Однако говорить об идентичности тех или иных знаков можно именно с учетом их точного местоположения на черепице. Поэтому в отчетных и публикационных материалах чрезвычайно важно демонстрировать всю маркированную черепицу или ее фрагмент, на котором сохранилась метка. Количество черепиц, изготовленных в одной матрице, является важным показателем производительности этих матриц, и, следовательно, черепичных мастерских, в которых они использовались.

Наиболее многочисленные серии эски-керменских черепиц, сформованных в одной матрице, рассмотрены в отдельной публикации [21, с. 291-315]. В настоящее время наибольшее количество, а именно 85 экземпляров насчитывает серия керамид группы III с меткой в виде буквы E, расположенной в верхнем левом углу на поле керамиды⁴ [21, рис. 3,6,7]. В указанное число включены также фрагменты от 3-х керамид из раскопок Эски-Кермена в 1930 г. (под руководством Ф. И. Шмидта), которые хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа⁵. Буква E иных очертаний встречается еще на двух сериях керамид этой же группы (11 и 9 экз.) [21, рис. 3,8,9]. Метка в виде греческой буквы «эпсилон» в различных вариациях хорошо известна по многим памятникам Крыма (Херсонес, Мангуп, Бакла, Гончарное, Ласпи, Тепсень и др.). Похожая прорисовка этой буквы фиксируется, в частности, на черепицах 2-й (шамотированной) херсонесской группы [48, табл. 4,Е3/109]. Подобные варианты этого

⁴ Характерной особенностью данной формы является продольный шов в месте стыка двух досок матрицы, отпечатанный по центру формы справа от метки.

⁵ Инв. №№ 1104/193, 1104/266, 1104/357.

знака находили и на Эски-Кермене в 1936-1937 гг. и в 1979 г. [43, рис. 78; 38, рис. 2,9-14]. Однако полная идентичность этих меток, а, следовательно, и черепиц, на которых они были изображены, может быть подтверждена только после изучения их расположения на поле изделий, которое остается неизвестным, поскольку все метки опубликованы отдельно от черепиц.

Морфологические признаки керамид четырех выделенных групп отличаются большим разнообразием. Форма и высота боковых и верхних бортиков отдельных экземпляров порой сильно варьируют. Исключение составляет группа Ia. Она объединяет стандартные, легко выделяемые из общей массы керамиды с устойчивой формой бортиков и однородной структурой черепка. С оборотной стороны абсолютно все они имеют типичные продольные полосы-бороздки, образовавшиеся в процессе изготовления. Совокупность этих признаков позволяет сделать вывод о том, что керамиды группы Ia были произведены в одной керамической мастерской, и при их изготовлении соблюдались определенные технологические нормы и стандарты. Таким образом, изучение этой группы является очень перспективным, поскольку в ней заключена ценная информация об организации и масштабах черепичного производства.

В общей массе полученного в 2003-2008 и 2013 гг. черепичного материала (керамид) группа Ia оказалась наиболее массовой и составила более 34%⁶. Это позволило сделать вывод о том, что мастерская, в которой изготавливали эту черепицу, была сравнительно крупным, хорошо организованным производством с четко выработанными технологическими стандартами [22, с. 264-267]. Однако предположение, что эта мастерская могла находиться на Эски-Кермене или в его округе, не подтвердилось⁷. Производство черепицы группы Ia, по предварительным данным, можно связывать с одним из нескольких гончарных центров, открытых на склонах г. Илька, в 5 км к юго-востоку от Мангупского городища. Их раскопки в 2010-2012 гг. проводились под руководством В. Е. Науменко⁸ [35, с. 52-54; 32, с. 46-48]. Дальнейшее изучение этих центров, безусловно, предоставит новые данные об организации и масштабах черепичного производства, а также о системе торговых поставок готовой продукции в разные населенные пункты, в числе которых, вероятно, крупнейшим потребителем был Эски-Кермен.

Всего в ходе раскопок на Эски-Кермене в 2003-2008 и 2013 гг. была получена 31 археологически целая форма (из них только 1 – совершенно целая), а также удалось собрать 12 экземпляров с сохранившейся полной длиной и 20 экз. с сохранившейся полной шириной. Длина этих керамид варьирует в пределах 38,0-44,0 см, а ширина – 30,0-37,0 см. Высота боковых бортиков – 4,5-5,0 см, верхних бортиков – 2,8-3,2 см⁹. Абсолютно все керамиды этой

---

⁶ На отдельных участках фрагменты керамид группы Ia составляли более 60% [22, с. 262, табл. 1].

⁷ Это предположение было сделано на основании практически полного отсутствия черепицы данной группы в публикациях о строительной керамике других центров. Исключением является статья, посвященная результатам раскопок крестообразного храма Мангупа. Среди схематических изображений черепиц и меток, некоторые экземпляры с определенной долей вероятности можно отождествить с нашей группой [34, рис. 5,13-19; 6,42]. Описание этих черепиц в статье не приводится.

⁸ Выражаю глубокую признательность В. Е. Науменко и Д. А. Моисееву за возможность ознакомиться с предварительными результатами изучения строительной керамики гончарных центров г. Илька.

⁹ В статье приведены наиболее часто встречаемые параметры высоты бортиков. Отклонения в 0,2-0,5 см сравнительно редки. Высота бортиков включает толщину центрального поля, которая для керамид группы Ia составляет в большинстве случаев 2,0 см.

группы сужались в нижней части, с помощью характерных симметричных уступов (рис. 1; 2).

Несмотря на свой в целом типичный облик, отдельные экземпляры отличаются деталями. Неустойчивым элементом являются водосливные валики. Их рисунок и рельеф разнятся или они могут полностью отсутствовать. Далеко не все керамиды имели метки, высота рельефа которых также варьирует. По очертаниям боковых бортиков и рельефности валиков и меток керамиды группы Ia можно разделить на два варианта. Керамиды 1-го варианта имеют трапециевидные бортики с плавным переходом в центральное поле, низкорельефные валики и метки. У керамид 2-го варианта бортики также трапециевидные, но с более четкими очертаниями, знаки и валики более рельефные. Несмотря на эти отличия, нет сомнений, что керамиды обоих вариантов производили в одной мастерской. Это подтверждается, в частности, наличием переходных форм, которые затрудняют уверенное отнесение некоторых экземпляров к какому-либо варианту.

В настоящее время известно более 20 целых и относительно целых меток на керамидах группы Ia. Некоторые из них представлены значительным числом экземпляров, изготовленных в одной матрице. Самой многочисленной по результатам раскопок 2003-2008 и 2013 гг. является рельефная метка № 9а в виде сдвоенного фигурного угла между водосливными валиками (рис. 1,5,6; 3,9а). Из-за фрагментарности некоторых экземпляров можно установить лишь приблизительное количество керамид с этим знаком – от 60 до 100 черепиц из одной матрицы. Еще один фрагмент черепицы с похожей меткой (№ 9б) был изготовлен в другой матрице (рис. 2,13; 3,9б). Визуально этим знакам близки метки на черепицах из Эски-Кермена, опубликованные А. Л. Якобсоном и датированные им XIII в. [62, с. 151, рис. 98,68,70; 21, с. 298]. Метка № 1, напоминающая схематическое изображение черепицы с нижними уступами (рис. 1,7; 3,1), представлена 59 экземплярами. Одна из этих керамид, археологически целая, найдена при раскопках 1930 г. к востоку от главной апсиды эски-керменской базилики и хранится в фондах Государственного Эрмитажа¹⁰. Не исключено, что прорисовку знака именно этой керамиды, А. Л. Якобсон включил в таблицу эски-керменских черепичных меток (из раскопок 1928-1933, 1936-1937 гг.), датированных им IX-X вв. [62, с. 99, рис. 61,42]. Однако результаты современных раскопок не оставляют сомнений в том, что производство керамид с указанной меткой следует отнести ко времени последнего строительного периода открытых помещений, разрушенных в конце XIII в. Аналогичная метка зафиксирована также на черепице из слоя разрушения часовни, построенной над крестообразным храмом под Мангупом в XIII-XIV вв. [34, рис. 6,42].

Сравнительно многочисленные серии составили керамиды с метками № 7 в виде буквы Т – 31 экз. (рис. 1,8; 3,7) и № 2 в виде тамги – 19 экз. (рис. 1,9; 3,2). Остальные знаки зафиксированы в меньшем количестве: метка № 10 – 10 экз. (рис. 2,1; 3,10), метка № 3 – 9 экз. (рис. 2,12; 3,3), метка № 4 – 8 экз. (рис. 2,9; 3,4), метка № 5 – 6 экз. (рис. 2,2; 3,5), метки № 6 и № 11 – по 5 экз. (рис. 2,4,5; 3,6,11). От керамид с меткой № 8 найдено 19 фрагментов (рис. 2,7; 3,8). По 2 экземпляра имеют метки №№ 13-15 и 18 (рис. 2,3,6,14,15; 3,13-14,18). Метки №№ 12, 16 и 17 единичны (рис. 2,8,10,11; 3,12,16,17). Кроме того, есть фрагменты не полностью сохранившихся меток, в том числе в виде пентаграммы, схематических изображений лошади (?), полукругов, примыкающих к боковым бортикам, валика, конец которого свернут в виде спирали, и некоторых других.

Таким образом, метки керамид группы Ia представлены в виде греческих букв,

¹⁰ Инв. № 1104/89.

монограммы, условных знаков, в том числе тамги, а также схематических изображений животных. Разнообразие меток на черепицах, изготовленных в одном производственном центре, опровергает предположение А. Л. Якобсона о том, что для каждой мастерской был характерен какой-то один знак и его вариации. Следовательно, сделанные им на основе этого постулата подсчеты количества мастерских для Херсонеса и Эски-Кермена также являются ошибочными. Гипотетичность и спорность подобных вычислений ранее отмечала А. И. Романчук [48, с. 97-100].

Как правило, каждая метка была вырезана лишь на одной матрице. Исключение составляет метка № 9а и 9б (два варианта одного знака). Этот факт ставит под сомнение и версию о метке как знаке мастера (по крайней мере, как универсальную версию), поскольку каждый мастер изготовлял, безусловно, более одной матрицы. Кроме того, далеко не все матрицы были маркированы. Так, из 31 археологически целой формы 13 не имели рельефных знаков.

Важные сведения дает также фиксация местонахождения отдельных фрагментов маркированных черепиц. Основная масса обломков наиболее многочисленных серий керамид локализовалась в слое разрушения определенных помещений, и чем дальше от места их наибольшей концентрации, тем реже они встречались [23, с. 262-263]. Скорее всего, произведенные в одной матрице черепицы зачастую приобретались одновременно и использовались для перекрытия вполне конкретного помещения. Тот факт, что при перекрытии одного и того же помещения (принадлежавшего одному хозяину) одновременно использовали черепицы группы Ia с разными метками и без них, не подтверждает интерпретацию метки как знака заказчика. Также в силу разнообразия использованных одновременно маркированных черепиц, метки на них, скорее всего, не могли быть индексом времени и своего рода знаком качества.

Предположение о том, что метки были необходимы для организации процесса изготовления черепиц в условиях одновременного использования различных матриц, также имеет слабые стороны. Характер меток (буквы, знаки, изображения, а порой и их сочетание) не дает ответа на вопрос, каким образом они могли помогать соблюдать последовательность в эксплуатации маркированных ими матриц или очередность обжига готовой продукции. В этом случае следовало бы ожидать маркировку черепиц более простым и стандартным способом, например, только буквами греческого алфавита, что было бы проще и понятнее. Например, подобного рода метки (в виде латинских цифр I, II, IV и др.) наряду с клеймами встречаются на некоторых римских черепицах [56, с. 115]. По мнению А. А. Филиппенко, они «могли служить для счета черепиц при изготовлении или для указания партии или серии черепиц».

Как представляется, попытки объяснить практику черепичной маркировки с точки зрения, прежде всего, производственной целесообразности малоубедительны в силу отсутствия стандарта в выборе и оформлении рельефных меток, т.е. именно того, что и могло бы облегчать процесс массового изготовления черепицы, контроля качества и подсчета готовой продукции. То обстоятельство, что в одной мастерской производили черепицы как без меток, так и с довольно большим набором разнообразных знаков и изображений позволяет высказать предположение о том, что маркировка черепиц в средневековом Крыму не была регламентирована. Скорее всего, вырезание изображений на черепичной матрице являлось спонтанным действием. Метки не имели узкоспециального назначения. Выбор того или иного знака зависел от намерения, а также фантазии, настроения и художественных способностей

ремесленника, изготовлявшего матрицу. Эти изображения могли иметь самый различный смысл и быть как значимыми для их изготовителя символами (например, шифрами имен собственных и названий, оберегами и т.п.), так и простым декоративным элементом. После нанесения рельефного знака он автоматически превращался в метку всех изготовленных в данной матрице экземпляров. Однако ставил ли мастер такую цель изначально? Не исключено, что иногда такая задача стояла перед мастером, но побудительные мотивы могли быть самые разные. Процесс этот не был закономерным и стандартизированным.

Таким образом, античная традиция маркировать строительный керамический материал с целью указания производителя (владельца мастерской) или заказчика и (или) даты производства, в эпоху средневековья претерпела трансформацию, в результате чего узкоспециальная цель, скорее всего, была утрачена, и метки стали, прежде всего, способом самовыражения отдельных мастеров. Судя по количеству меток и маркированной черепицы, получившей распространение на значительной территории Крыма, это занятие было, безусловно, популярным, модным. Это явление, вероятно, следует рассматривать как культурный феномен, изучение которого может пролить свет на некоторые ментальные особенности людей, их оставивших: на их духовные ценности, интеллектуальные и психоэмоциональные процессы, художественные способности и пристрастия.

Безусловно, данная версия не претендует на окончательное решение проблемы. Дальнейшее пополнение фактологической базы, разработка и повсеместное внедрение новых методов изучения черепичного материала, обладающего большой потенциальной информативностью, обогатит наши знания об организации и уровне керамического производства средневекового Крыма и, возможно, позволит открыть тайну ремесленных знаков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет о полевых археологических исследованиях Южно-Крымской археологической экспедиции в 2001 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 5, № 1057, папка 1405.
2. Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240-277.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422-457.
4. Ангелова С. За производството на строителна керамика в Североизточна България през ранното средновековие // Археология. София, 1971. Кн. 3. С. 3-24.
5. Антонова В. Две раннохристиянски църкви във външното укрепление на аула на Хан Омуртаг при гара Цар Крум // Археология. София, 1968. Кн. 4. С. 52-67.
6. Антонова В., Дремсизова-Нелчинова Ц. Аулт на Хан Омуртаг при Чаталар. София, 1981. 61 с.
7. Антонова И. А., Костромичев Д. А. Латинские клейма на строительной керамике из Херсонеса // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 215-224.
8. Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Международная Академия Наук, 2009. Вып. 10. С. 81-98.
9. Армарчук Е. А. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78-90.
10. Атанасов Г. Кримски реалии на еднокорабните едноапсидни църкви без притвор в Добруджа и източна България през X-XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 1994. Т. 3.

- С. 51-69.
11. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949-1951 годов) // КСИА. 1953. Вып. 49. С. 104-116.
  12. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 88-146.
  13. Барсамов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле. 1929-1931 гг. Феодосия, 1932. 11 с.
  14. Берзин Э. О. Из истории производства клеймёной черепицы на Боспоре (IV – начала III в. до н.э.) // СА. 1959. № 4. С. 53-60.
  15. Гадло А. В. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. С. 96-104.
  16. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 211-315.
  17. Гайдукевич В. Ф. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 15-21.
  18. Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского завода в Пантикапее // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
  19. Джгамая Д. К. Производство строительной керамики в феодальной Грузии // Археологические памятники Феодальной Грузии / Ред. Г. А. Ломтатидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1969. Вып. I. С. 94-105.
  20. Джгамая Д. К. Эпиграфика строительной керамики средневековой Грузии // Археологические памятники Феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Вып. II. С. 238-243.
  21. Завадская И. А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291-315.
  22. Завадская И. А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // ТГЭ. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 254-268.
  23. Завадская И. А. К вопросу о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 142-144.
  24. Завадская И. А. «Херсонесская» черепица на Эски-Кермене // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 24-25.
  25. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
  26. Ковальчук А. В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
  27. Ковальчук А. В. Черепица с именем Афродиты из Кеп // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Международной научной конференции / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2007. С. 314-316.
  28. Кузнецов В. Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 392-403.
  29. Ломтатидзе Г. А. Раскопки дворца и рядовых жилищ средневековой эпохи в окрестностях древнего города Самшвилде // Археологические памятники Феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Вып. II. С. 137-138.
  30. Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 59-88.
  31. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев:

- Академперіодика, 2004. 316 с.
32. Моисеев Д. А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 46-48.
  33. Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162-186.
  34. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224-242.
  35. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52-54.
  36. Новиченкова Н. Г., Новиченкова-Лукичева Х. В. Будівельна кераміка з клеймами римської фортеці Харакс // Археологія. Київ, 2009. № 1. С. 61-71.
  37. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.
  38. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.
  39. Паршина Е. А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 89-109.
  40. Паршина Е. А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 117-131.
  41. Пяташова Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215-220.
  42. Репников Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91-140.
  43. Репников Н. И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 277-282.
  44. Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37. С. 156-159.
  45. Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 9-26.
  46. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977. № 2. С. 181-192.
  47. Романчук А. И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. 1995. Вып. 27. С. 107-118.
  48. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона // АДСВ. Екатеринбург, 2004. 169 с.
  49. Сарновски Т. Римская черепица Южного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 119-143.
  50. Сидоренко В. А. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 93-101.
  51. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 104-120.
  52. Талис Д. Л. Черепицы с метками из раскопок Баглинского городища // СА. 1968. № 2. С. 184-195.
  53. Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. (Мангуп) // МИА. 1953. № 34. С. 430-434.
  54. Федосеев Н. Ф. Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК. 2011. Вып. 4(34). С. 277-308.
  55. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Киев: Мистецтво, 2012. Т. I. 159 с.
  56. Филиппенко А. А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 110-117.
  57. Филиппенко А. А. Строительная керамика // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная

- база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 60-61.
58. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI-X веках. М., 2012. 590 с.
59. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 364 с.
60. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. 364 с.
61. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. 224 с.
62. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
63. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die HĖhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des RĖmisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113. Mainz, 2013. S. 165-232.
64. Bardill J. Brickstamps of Constantinople. New York: Oxford University Press, 2004. Vol. I. 453 p.
65. Brodrribb G. Roman Brick and Tile. Gloucester, 1987. 164 p.

REFERENCES

1. Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myts V. L. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2001 g. *Arkhib Krymskogo filiala Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. Inv. kn. 5. N 1057. Papka 1405.
2. Aibabin A. I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Simferopol'*, 2014, Vol. XIX, pp. 240-277.
3. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Pozdnesrednevekovaia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Simferopol'*, 2011, Vol. XVII, pp. 422-457.
4. Angelova S. Za proizvodstvoto na stroitelna keramika v Severoiztochna B"lgariia prez rannoto srednevekovie. *Arkheologiya, Sofiya*, 1971, Kn. 3, pp. 3-24.
5. Antonova V. Dve rannokhristianski ts"rkvi v"v v"nesnoto ukreplenie na aula na Khan Omurtag pri gara Tsar Krum. *Arkheologiya, Sofiya*, 1968, kn. 4, pp. 52-67.
6. Antonova V., Dremiszova-Nelchinova Ts. *Aul"t na Khan Omurtag pri Chatalar*. Sofiya, 1981, 61 p.
7. Antonova I. A., Kostromichev D. A. Latinskie kleima na stroitel'noi keramike iz Khersonesa. *Sarnovskii T., Savelia O. Ia. Balaklava. Rimskaya voennaia baza i sviatilishche Iupitera Dolikhena*, Varshava, 2000, pp. 215-224.
8. Armarchuk E. A. Cherepitsa iz raskopok srednevekovogo khrama na g. Sakharnaya Golovka v okrestnostyakh Adlera. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza*, Armavir: Mezhdunarodnaya Akademiya Nauk Publ., 2009, Vol. 10, pp. 81-98.
9. Armarchuk E. A. Khristianskiy khram u pos. Veseloe: predvaritel'naya publikatsiya rezul'tatov raskopok 2010 g. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2012, N 3, pp. 78-90.
10. Atanasov G. Krimski realii na ednokorabnite ednoapsidni ts"rkvi bez pritvor v Dobrudzha i iztochna B"lgariya prez X-XI vek. *B"lgariite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy*. Veliko Tyrnovo: Sv. sv. Kiril i Metodiy Publ., 1994, Vol. 3, pp. 51-69.
11. Babenchikov V. P. Srednevekovoe poselenie bliz sela Planerskoe (raskopki 1949-1951 godov). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1953, Vol. 49, pp. 104-116.
12. Babenchikov V. P. Itogi issledovaniya srednevekovogo poseleniya na kholme Tepsen'. *Smirnov A. P. (Ed.). Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma*. Moskow, Akademia nauk SSSR Publ., 1958, pp. 88-146.
13. Barsamov N. S. *Soobshchenie ob arkheologicheskikh raskopkakh srednevekovogo gorodishcha v Koktebele. 1929-1931 gg.* Feodosiya, 1932, 11 p.
14. Berzin E. O. Iz istorii proizvodstva kleymenoy cherepitsy na Bospore (IV – nachala III v. do n.e.). *Sovetskaya arkheologiya*, 1959, N 4, pp. 53-60.
15. Gadlo A. V. O kul'ture gorodishcha na plato Tepsen' bliz s. Planerskogo. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy VIII Vsesoyuznoy studencheskoy konferentsii*, Leningrad: Leningradskiy universitet Publ., 1964, pp. 96-104.
16. Gaydukevich V. F. Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 1934, Vol. 104, pp. 211-315.

17. Gaydukevich V. F. Novye dannye po bosporskoj keramicheskoj epigrafike. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1967, Vol. 109, pp. 15-21.
18. Grakov B. N. Epigraficheskie dokumenty tsarskogo zavoda v Pantikapee. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 1934, Vol. 104, pp. 202-210.
19. Dzhgamaya D. K. Proizvodstvo stroitel'noy keramiki v feodal'noy Gruzii. *Lomtatidze G. A. (Ed.). Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1969, Vol. I, pp. 94-105.
20. Dzhgamaya D. K. Epigrafika stroitel'noy keramiki srednevekovoy Gruzii. *Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1974, Vol. II, pp. 238-243.
21. Zavadsкая I. A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003-2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2008, Vol. XIV, pp. 291-315.
22. Zavadsкая I. A. Problemy izucheniya krovel'nogo materiala srednevekovykh tsentrov Yugo-Zapadnogo Kryma. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. LIII: Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX-XII vekov. *Materialy mezhdunarodnogo seminara 17-21 noyabrya 2009 goda*. St. Petersburg, Gosudarstvenny Ermitazh Publ., 2010, pp. 254-268.
23. Zavadsкая I. A. K voprosu o naznachenii rel'efnykh metok na srednevekovoy cherepitse Kryma. *Zin'ko V. N. (Ed.). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «XI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Remesla i promysly»*, Kerch', 2010, pp. 142-144.
24. Zavadsкая I. A. «Khersonesskaya» cherepitsa na Eski-Kermene. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol', Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya – 5 oktyabrya 2012 g.)*, Sevastopol', 2012, pp. 24-25.
25. Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol', Kerch', 2007, Vol. XVIII, 480 p.
26. Koval'chuk A. V. *Keramicheskie stroitel'nye materialy Bospora v epokhu ellinizma (tipologiya i khronologiya bosporskikh cherepichnykh kleym)*. Abstract of kandidat. diss. Moskow, 2007.
27. Koval'chuk A. V. Cherepitsa s imenem Afrodity iz Kep. *Vakhtina M. Yu. et al. (Eds.). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok»*, St. Peterburg, 2007, pp. 314-316.
28. Kuznetsov V. D. Bosporskie cherepichnye kleyma (nekotorye problemy interpretatsii). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2008, Vol. XXI, pp. 392-403.
29. Lomtatidze G. A. Raskopki dvortsa i ryadovykh zhilishch srednevekovoy epokhi v okrestnostyakh drevnego goroda Samshvilde. *Arkheologicheskie pamyatniki Feodal'noy Gruzii*, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1974, Vol. II, pp. 137-138.
30. Lysenko A. V., Teslenko I. B. Antichnye i srednevekovye pamyatniki gory Ayu-Dag. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 59-88.
31. Mayko V. V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Krymu*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
32. Moiseev D. A. Novye srednevekovye goncharnye tsentry na yuzhnoy periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nye rezul'taty. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna» (Bakhchisaray, 5-7 sentyabrya 2012 g.)*, Bakhchisaray, 2012, pp. 46-48.
33. Moiseev D. A. Rannevizantiyskaya cherepitsa iz raskopok tsisterny v tsentral'nom nefе baziliki «Kruze» v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2013, Vol. XVIII, pp. 162-186.
34. Myts V. L. Krestoobraznyy khram Mangupa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1990, N 1, pp. 224-242.
35. Naumenko V. E., Moiseev D. A., Smekalova T. N., Chudin A. V. Novye srednevekovye goncharnye tsentry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkheologicheskikh i geofizicheskikh issledovaniy). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol', Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya – 5 oktyabrya 2012 g.)*, Sevastopol', 2012, pp. 52-54.
36. Novichenkova N. G., Novichenkova-Lukicheva Kh. V. Budivel'na keramika z kleymami rims'koй fortetsi

- Kharaks. *Arkheologiya*, Kiev, 2009, N 1, pp. 61-71.
37. Parshina E. A. Srednevekovaya keramika Yuzhnoy Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965-1969 gg.). *Bibikov S. N. (Ed.). Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56-94.
  38. Parshina E. A. Eski-Kermenskaya bazilika. *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36-59.
  39. Parshina E. A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985-1988 gg.). *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 89-109.
  40. Parshina E. A. Srednevekovoie poselenie v urochishche Sotera. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 117-131.
  41. Pyatysheva N. V. Izobrazhenie pentagrammy kak datiruyushchiy priznak nekotorykh pamyatnikov Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1973, Vol. 10, pp. 215-220.
  42. Repnikov N. I. Partenitskaya bazilika. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*, 1909, Vol. 32, pp. 91-140.
  43. Repnikov N. I. Gorodishche Eski-Kermen. *Gol'msten V. V. (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934-1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1941, pp. 277-282.
  44. Romanchuk A. I. Rannesrednevekovaya stroitel'naya keramika Khersonesa. *Vizantiyskiy vremennik*, 1976, vol. 37, pp. 156-159.
  45. Romanchuk A. I. Raskopki sel'skogo poseleniya v nizov'yakh reki Bel'bek. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1976, Vol. 13, pp. 9-26.
  46. Romanchuk A. I. Cherepitsy so znakami iz raskopok na Mangupe. *Sovetskaya arkheologiya*, 1977, N 2, pp. 181-192.
  47. Romanchuk A. I. K voprosu o metodike datirovki metok na cherepitse Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vizantiya i srednevekovyy Krym*, 1995, Vol. 27, pp. 107-118.
  48. Romanchuk A. I. Stroitel'nye materialy vizantiyskogo Khersona. *Polyakovskaya M. A. (Ed.). Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2004, 169 p.
  49. Sarnovski T. Rimskaya cherepitsa Yuzhnoho Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2005, Vol. XI, pp. 119-143.
  50. Sidorenko V. A. Metki-abbreviatury i monogrammy na cherepitse pamyatnikov srednevekovogo Khersona. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Problemy sotsial'nogo razvitiya*, Sverdlovsk, 1985, pp. 93-101.
  51. Simonova T. I. Metki na cherepitse krovl'i doma XIII-XIV vv. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Antichnye traditsii i vizantiyskie realii*, Sverdlovsk, 1980, pp. 104-120.
  52. Talis D. L. Cherepitsy s metkami iz raskopok Baklinskogo gorodishcha. *Sovetskaya arkheologiya*, 1968, N 2, pp. 184-195.
  53. Tikhanova M. A. Cherepitsy s metkami iz raskopok 1938 g. (Mangup). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, N 34, pp. 430-434.
  54. Fedoseev N. F. Proizvodstvo kleymennoy cherepitsy v antichnom mire i na Bospore Kimmeriyskom. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2011, Vol. 4(34), pp. 277-308.
  55. Fedoseev N. F. *Keramicheskie kleyma. Bospor: iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym*. Kiev, Mistetstvo Publ., 2012, Vol. I, 159 p.
  56. Filippenko A. A. Stroitel'nye keramicheskie materialy s punktov dislokatsii rimskikh voysk v Kadykovke i na vysote Kazatskoy. *Khersonesskiy sbornik*, Sevastopol', 1998, Vol. IX, pp. 110-117.
  57. Filippenko A. A. Stroitel'naya keramika. *Sarnovski T., Savelya O. Ya. Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena*, Varshava, 2000, pp. 60-61.
  58. Chkhaidze V. N. *Fanagoriya v VI-X vekakh*. Moscow, 2012, 590 p.
  59. Yakobson A. L. Srednevekovyy Khersones (XII-XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, N 17, 364 p.
  60. Iakobson A. L. Rannesrednevekoviye Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1959, N 63, 364 p.
  61. Yakobson A. L. Rannesrednevekoviye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy i*

issledovaniya po arkheologii SSSR, Moskow, 1970, N 168, 224 p.

62. Yakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
63. Ajbabin A. I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Band 113, Mainz, 2013, S. 165-232.
64. Bardill J. *Brickstamps of Constantinople*. New York: Oxford University Press, 2004, Vol. I, 453 p.
65. Brodribb G. *Roman Brick and Tile*. Gloucester, 1987, 164 p.

И. А. Завадская

Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма

Резюме

В статье рассмотрены мнения ученых о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма и представлены результаты исследований строительной керамики из раскопок жилого квартала Эски-Кермена в 2003-2008 и 2013 гг. На основании изучения черепицы группы Ia (по эски-керменской классификации), которая является продукцией одной мастерской, предложен новый взгляд на черепичные метки. Исходя из того, что в одной мастерской производили черепицы как без меток, так и с довольно большим набором разнообразных знаков и изображений, высказано предположение, что маркировка средневековых черепиц не являлась регламентированным актом, обусловленным производственной необходимостью. Метки не имели узкоспециального назначения и могли быть как значимыми для их изготовителя символами, так и простым декоративным элементом. Они были способом самовыражения отдельных мастеров. Изучение черепичных меток как культурного феномена может пролить свет на некоторые ментальные особенности средневекового населения Крыма.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, маркировка строительных материалов, средневековая черепица, рельефные метки.

I. A. Zavadskaja

The Problems of Interpretation of Relief Marks on Mediaeval Roof Tiles in the Crimea

Summary

This article analysis the researchers' opinions on the function of relief marks on mediaeval roof tiles in the Crimea and presents the results of the investigation of building ceramic ware excavated in a residential quarter of Eski-Kermen in 2003-2008 and 2013. The results of the study of roof tiles group Ia (according to the Eski-Kermen classification), produced in a single workshop, allow a new interpretation of roof tile marks. As the same workshop produced both unmarked roof tiles and those with a relatively varied set of different signs and images, we may reasonably suppose that the marking of mediaeval roof tiles was not a regulation act determined by the manufacturing needs. Having no strictly specialized purpose, the marks might be either symbols of importance for the manufacturer or a simple decorative element. They were the result of particular artisans' self-expression. The study of roof tile marks as a cultural phenomenon will probably shed light on some mental features of the mediaeval population of the Crimea.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, marking on the building materials, mediaeval roof tiles, relief marks.

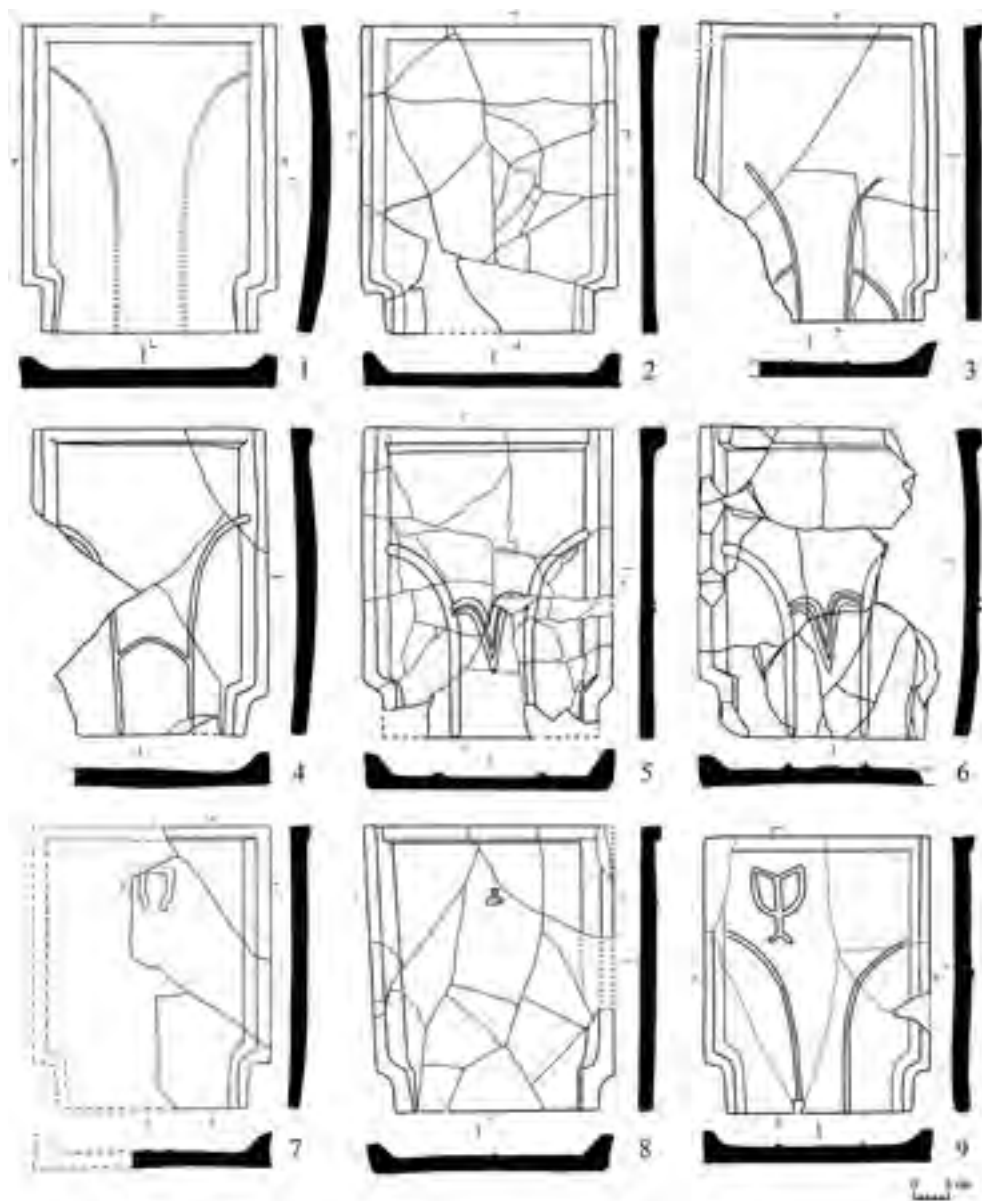

Рис. 1. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).

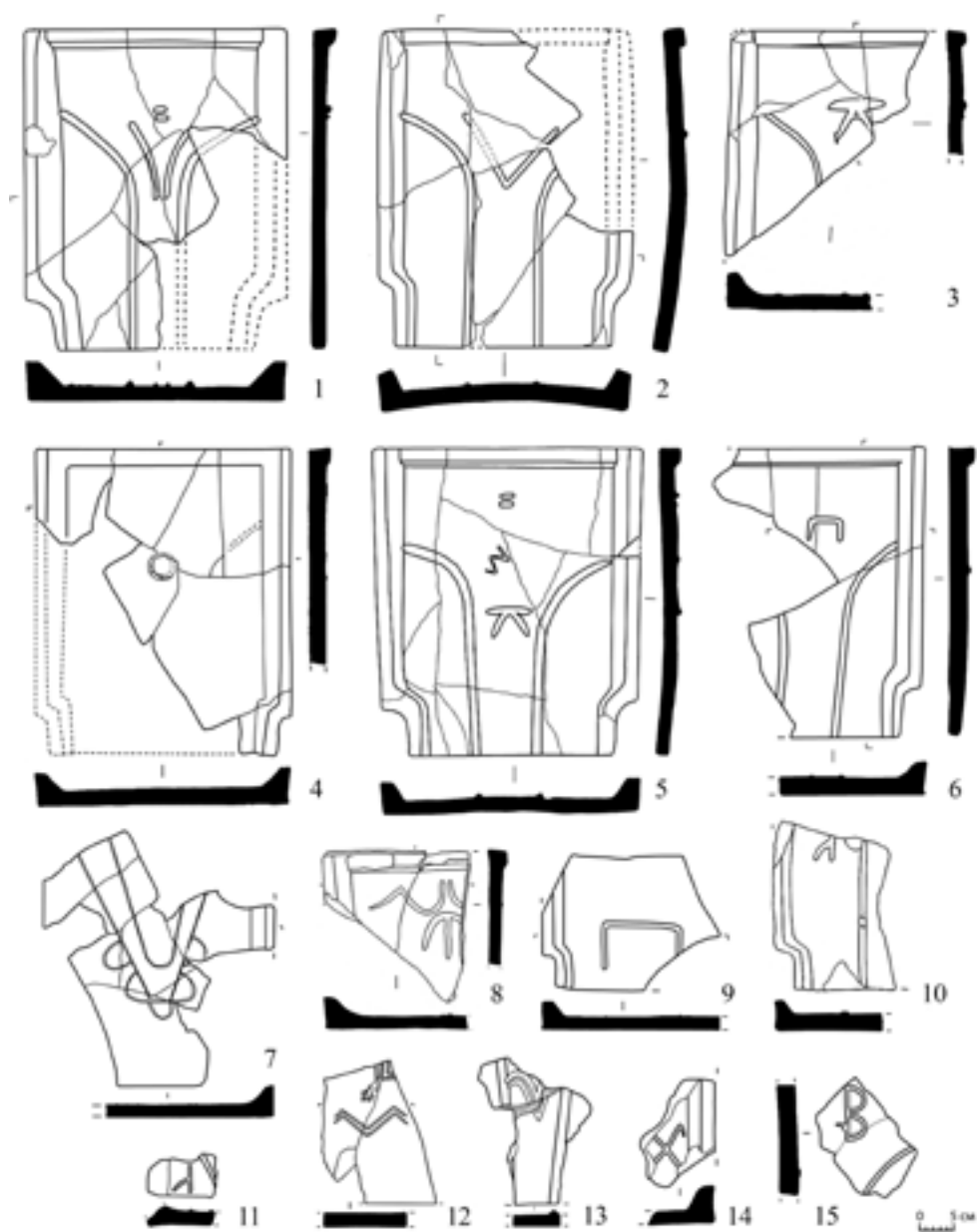

Рис. 2. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).

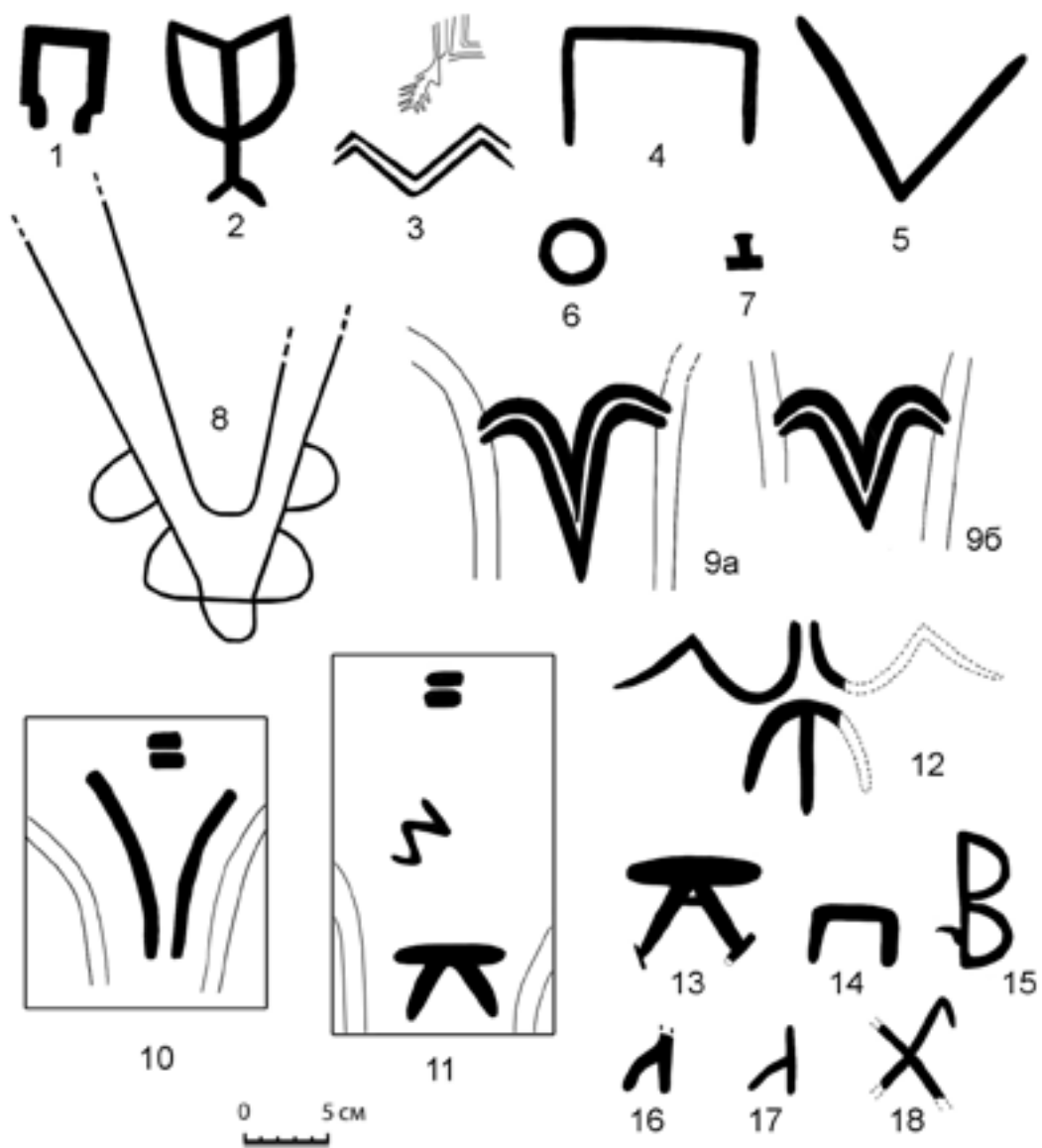

Рис. 3. Метки на керамидах Ia группы из раскопок Эски-Кермена (2003-2008, 2013 гг.).